

Даниэла Стил Грехи матери

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7062712
Грехи матери: [роман]: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083743-4

Аннотация

Каждый человек однажды делает выбор, и Оливия Грейсон когда-то предпочла работу семье. Прошли годы. Оливия стала хозяйкой огромной мебельной империи, а четверо детей постепенно отдалились от матери.

Они встречаются лишь на каникулах, а все поездки оплачивает Оливия, запоздало пытаясь наверстать упущенное: модный музыкальный продюсер Кэсси; незадачливая бизнес-леди, но талантливая писательница Лиз; работающие на Оливию и втайне мечтающие о независимости Джон и Филипп с женами. У каждого свои проблемы, свои страсти и страхи, свои желания и огорчения.

Старые обиды забываются нелегко. Но возможно, Оливии наконец повезет и она сумеет сплотить большую семью...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	30
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Даниэла Стил

Грехи матери

Роман

Моим любимым детям – Беатрикс, Тревору, Тодду, Нику, Сэму, Виктории, Ванессе, Макс и Заре

Желаю вам найти такую работу, которая бы вас вдохновляла и приносила вам удовлетворение.

Желаю вам найти спутников жизни, которые бы вас любили, уважали, поддерживали во всех ваших начинаниях и обогащали вашу жизнь.

Делайте мудрый выбор.

Относитесь к тем, кого вы любите, с нежностью, великодушием (прежде всего) и отзывчивостью, и пусть они так же относятся к вам.

Пусть ваши дети радуют и ценят вас.

Пусть всё лучшее, что есть в жизни, принадлежит вам, и пусть вас всегда так же сильно любят, как люблю вас я.

Со всей любовью,

Мама

Глава 1

Шло заседание совета директоров компании, и Оливия Грейсон, сидя в кресле председателя, внимательно слушала доклады и пристально наблюдала за каждым членом правления. В тот день она надела элегантный темно-синий брючный костюм, который оттенял ее голубые глаза и с которым великолепно сочеталась нитка жемчуга на шее. Ее белоснежные волосы – такие же, как и во времена, когда ей было всего тридцать с небольшим, – стильным каре обрамляли широкоскулое лицо. Это была одна из тех женщин, на которых нельзя не обратить внимания, где бы вы их ни повстречали. Время и возраст, казалось, были не властны над ней.

В изящных руках Оливия держала блокнот, тонкие пальцы сжимали ручку. На совещаниях она всегда вела записи и прекрасно помнила, в какой очередности кто и что говорил. Острый ум и деловая хватка снискали ей репутацию гения, но самыми сильными сторонами ее характера были практичность и прирожденное, никогда не подводившее чутье. Оливия безошибочно определяла, что выгодно для ее компании. Она превратила прибыльный магазин товаров для дома, который много лет назад унаследовала ее мать, в образец успешной международной бизнес-корпорации.

«Фабрика» – как называли магазин, когда перенесли его из пригорода Бостона в старое заброшенное фабричное здание, – процветала, как и сама Оливия Грейсон. Ее отличали сильный характер, креативность, новаторство и к тому же солидный опыт – в «Фабрике» она работала с двенадцати лет.

Ее мать Мэрибел Уитман родилась в семье бостонских банкиров, потерявших всё в эпоху Великой депрессии, после чего она вынуждена была пойти работать секретарем в юридическую фирму, где и встретила своего будущего мужа. Им стал страховой агент, призванный в армию после нападения японцев на Пёрл-Харбор и отправленный в Англию летом 1942 года, через месяц после рождения дочери Оливии. Он погиб во время бомбежки, когда девочке исполнился год. Молодая вдова Мэрибел переехала в скромный пригород Бостона и,

чтобы содержать дочь, устроилась в магазин Ансела Морриса. Четырнадцать лет она честно помогала хозяину развивать семейный бизнес. Их полный искренней любви роман оставался тайным, но Мэрибел и не рассчитывала на его поддержку и растила дочь на собственные средства. Завещание, по которому состояние Морриса переходило к ней, стало для нее шоком. Единственным ее желанием было отправить Оливию на учебу в колледж, но та жаждала заниматься настоящим бизнесом и не проявляла интереса к теории и научным изысканиям. Страстью Оливии была практическая коммерция, где нужно было умение рисковать и делать смелые ходы: каждое принятое ею решение продвигало бизнес вперед, в новые сферы и на новые высоты. Несмотря на молодость и отсутствие опыта, Оливия практически не совершала ошибок. Она неизменно полагалась на свою хорошую интуицию и в конечном итоге оказывалась права. Многие годы она заслуженно пользовалась уважением и восхищением коллег и конкурентов. Она стала иконой в мире бизнеса.

Когда восемнадцатилетняя Оливия – сразу после окончания средней школы и через три года после смерти Ансела – стала работать в «Фабрике» полный рабочий день, то превратила торговлю товарами для дома в нечто такое, о чем ни ее мать, ни тем более Моррис даже не мечтали. В то время бизнес вела Мэрибел, и Оливия убедила ее взять на реализацию новую серию недорогой мебели актуального современного дизайна, помимо той, которой обычно торговала «Фабрика». Оливия внесла в бизнес свежие идеи и энтузиазм молодости, расширила ассортимент: фирма закупила сантехнику для ванных комнат у зарубежных поставщиков, современную кухонную мебель и оборудование. За короткое время «Фабрика» получила широкую известность: ее продукцию отличали инновационный дизайн и надежность, а также весьма умеренные цены. За счет увеличения объемов продаж Оливии удавалось перебить цены конкурентов. Мэрибел поначалу это беспокоило, но время показало, что Оливия права. Чутье ее никогда не подводило.

Пятьдесят один год спустя, в шестьдесят девять лет, Оливия Грейсон стояла во главе созданной ею бизнес-империи международного масштаба, с которой никто не мог соперничать, хотя многие пытались. Уже к двадцати пяти годам Оливия, а с ней и «Фабрика», стала легендой – благодаря творческому подходу к дизайну товаров для дома (от инструментов до кухонного оборудования и мебели) и, конечно, благодаря предельно низким ценам. Трудно себе представить предмет быта, который нельзя было бы купить в «Фабрике», но Оливия постоянно разъезжала в поисках всё новых поставщиков, изделий и дизайнерских решений.

На заседании совета директоров по обеим сторонам от нее сидели ее сыновья. Оба вошли в семейный бизнес сразу по окончании учебы: Филипп – окончив бизнес-школу, Джон – получив степень магистра изящных искусств в области графического дизайна.

Мать Оливии давно отошла от дел. «Фабрика» была детищем Оливии, а заработанное благодаря вдохновенному труду громадное состояние со временем унаследуют ее дети. Она посвятила всю жизнь работе и империи, созданной кирпичик по кирпичику. Оливия стала живым воплощением американской мечты.

Хотя она обладала огромной властью, и порой создавалось впечатление, что ее пронзительные глаза видят человека насквозь, в лице Оливии сохранилась какая-то мягкость. Да, она была деловой женщиной, которую коллеги воспринимали всерьез, но при этом всегда была не прочь развлечься, повеселиться. Она была неразговорчивой и хорошо знала, когда предоставить слово другим, а когда самой произнести веское слово. Оливия внимательно прислушивалась к новым идеям, которые побуждали ее к творчеству, и по-прежнему стремилась расширить сферу влияния «Фабрики». Она не почивала на лаврах, главной страстью и главным предметом интереса для нее оставалось развитие ее бизнеса – это волновало Оливию так же сильно, как и в молодые годы.

Кроме нее и двоих ее сыновей, в совет директоров входили еще шесть человек. Она была президентом и генеральным директором компании, один из сыновей, Филипп, – финан-

совым директором. От отца ему передались способности к финансам, он пришел в компанию по окончании Гарвардской бизнес-школы, где, с отличием окончив курс, получил степень магистра бизнеса. Это был спокойный человек, характером похожий больше на отца, чем на мать, – сыновья унаследовали от нее способности лишь отчасти. Джон Грейсон, ее третий по счету ребенок, возглавлял отдел дизайна. Он был художником, изучал изящные искусства в Йельском университете. Живопись стала его главной страстью, но в раннем возрасте он был настолько привязан к матери, что и свою жизнь связал с семейным бизнесом. Оливия всегда знала, что со своим тонким мироощущением и академическим образованием, а также знакомствами в сфере дизайна, он может оказаться очень полезен компании. Джон был общительнее старшего брата и больше похож на мать, хотя финансовая сторона бизнеса представлялась ему абракадаброй. Он жил гармонией и красотой, которую дарил ему окружающий мир. По выходным всё свободное время он по-прежнему посвящал живописи – Джон был прежде всего настоящим художником.

Сорокашестилетний Филипп отличался серьезностью, как и его отец Джо, – бухгалтер по профессии, в свое время скромно, оставаясь в тени, помогавший Оливии в бизнесе. Филипп унаследовал его аккуратность и надежность, но не материнский творческий дух и огонь.

Джон (ему шел сорок второй год) со своим талантом и увлечениями был ближе к Оливии: он с энтузиазмом создавал новый дизайн продукции, которую компания предлагала миру. Свой громадный талант он щедро дарил «Фабрике», не переставая мечтать о том, чтобы целиком посвятить себя живописи. Оба сына стали неотъемлемой частью системы, движущей силой которой, однако, даже в свои шестьдесят девять лет являлась их мать. «Фабрика» по-прежнему оставалась семейным бизнесом, хотя за долгие годы возникало много возможностей продать его или принять новых партнеров. Оливия же не допускала даже мысли такой, хотя Филиппу казались весьма заманчивыми некоторые предложения, поступавшие в последние годы. Мать настаивала на том, чтобы «Фабрика» с разветвленной сетью магазинов по всему миру принадлежала только семье, и была намерена сохранить статус фирмы без изменений.

Компания переживала бум и стремительно росла, и Оливия хотела, чтобы при ее жизни у руля своего корабля стояли Грейсоны. Обе ее дочери не интересовались бизнесом, но она знала, что когда-нибудь сыновья его возглавят, и хорошо их к этому подготовила. Она была уверена, что вместе им удастся поддерживать построенную ею империю, впрочем, пока она вовсе не собиралась уходить на пенсию или в отставку. Оливия Грейсон по-прежнему была в полном порядке, управляла «Фабрикой» и колесила по миру, как и последние пятьдесят два года. Не было заметно, чтобы она сбавила обороты: ее идеи были, как всегда, удивительными, новаторскими, и выглядела она на десять лет моложе своих лет. Такой естественной красотой, жизнелюбием и энергией могли похвастаться далеко не все гораздо более молодые люди.

В своей обычной спокойной манере Оливия провела совещание и закончила его вскоре после полудня. Они обсудили все вопросы, включая сложную ситуацию с некоторыми поставщиками, – фабриками в Индии и Китае. Филипп заботился прежде всего о балансе компании, который был лучше, чем когда-либо. Товары, продаваемые фирмой по всему миру по неправдоподобно низким ценам, приносили громадные прибыли.

Оливия же всегда хотела, чтобы работа их предприятий была безупречна. В то утро Филипп заверил всех еще раз, что руководству компании, может быть, и не всё известно об азиатских фабриках, но фирма пользуется услугами надежного аудитора. По его мнению, придаться не к чему, а деньги, которые получают поставщики, обеспечивают процент, приносящий выгоду уже многие годы. Такова была модель этого бизнеса, которой конкуренты завидовали и которую никак не могли скопировать, – Оливия творила чудеса.

Джон в то утро представил ряд новых образцов, которые, по мнению всех участников совещания, имели хорошие шансы на высокий спрос у покупателей в ближайшее время. «Фабрика» опережала все тенденции и угадывала тренды: что будет продаваться и каковы пожелания клиентов – прежде чем те сами о них узнавали. У Джона было бесподобное чувство формы и цвета. «Фабрика» формировала спрос и затем удовлетворяла его. Ее финансовые результаты из года в год улучшались.

Оливия знала, что ее покойный муж Джо был бы горд за жену, ведь при жизни он благоговел перед нею. Он был для нее идеальным спутником и нисколько не удивлялся и не осуждал, когда их совместно возвращаемый бизнес отвлекал ее от семьи. Они оба знали, что ее занятость неизбежна, где бы она ни находилась: в командировках или дома. У Джо, напротив, был более предсказуемый график работы и меньшая финансовая ответственность в компании. Будучи бухгалтером по образованию, он дорос до должности финансового директора, а после его смерти эту должность занял Филипп. Мать Оливии, Мэрибел, отошла от дел, чтобы заниматься внуками, вскоре после рождения Филиппа. Эта роль подходила ей гораздо лучше хотя бы потому, что была менее нервной. К тому времени бизнес в руках Оливии и Джо так разросся, что стал ей не по силам. Оливия была двигателем «Фабрики» и легко несла на своих плечах груз ответственности, хотя жертвовала ради этого временем, которое могла бы посвящать детям. Становясь старше, она старалась восполнить этот пробел, особенно последние четырнадцать лет, после скоростной смерти мужа. Он умер в шестьдесят от сердечного приступа, когда Оливия была в командировке, – инспектировала новые фабрики на Филиппинах.

Смерть Джо нанесла Оливии и детям страшный удар. С тех пор она стала уделять домашним больше внимания и взяла за правило каждый год устраивать себе отпуск с детьми и внуками. Она их любила, всегда любила, как и мужа, но бизнес она тоже не могла оставить. «Фабрика» была ее страстью, даже жизнью, всепожирающим вечным огнем, который и поглощал, и поддерживал ее. Джо это понимал и никогда не возражал. Дети понимали, но не все с этим одинаково мирились.

В то утро на заседании совета директоров присутствовал старший юрисконсульт компании Питер Уильямс – для обсуждения некоторых вопросов, поднятых Филиппом, в частности, о том, как отразится на финансах компании возможное решение переключиться с азиатских фабрик на европейские, деятельность которых была более прозрачной. Все в руководстве компании знали, что это могло неблагоприятно сказаться на ее балансе, Филипп не рекомендовал этого делать. Оливия пригласила на совещание Уильямса, и Питер озвучил свое, как всегда, выверенное и тщательно взвешенное мнение. Она советовалась с ним по многим вопросам и всегда получала мудрые советы. Он был по натуре консервативен, но прагматичен и творчески подходил к поиску решений в порой скользких юридических вопросах – а они неизбежно возникали в таком крупном бизнесе, какой вели Грейсоны. Питер испытывал колоссальное уважение к Оливии и последние двадцать лет отдавал «Фабрике» львиную долю своего времени. Он никогда не жаловался на жертвы, принесенные ей в ущерб личной жизни, и на то, что долгие часы ему приходилось посвящать фирме. Он всегда искренне восхищался этим бизнесом и женщиной, которая его вела.

– Что ты думаешь о совещании? – спросила Оливия, пока они вместе ждали лифт.

Сыновья задержались в зале заседаний, а ей надо было возвращаться в свой кабинет. Питер спешил в собственный офис, который находился недалеко от «Фабрики», – резиденции своего самого крупного клиента, Питер часто бывал в этом здании. Оливия перенесла головную контору в Нью-Йорк из пригородов Бостона сорок лет назад. Ее дети выросли в Нью-Йорке. Когда Грейсоны открыли филиалы в Нью-Джерси, Чикаго и Коннектикуте, а также на Лонг-Айленде, Нью-Йорк стал для них более удобным местом, чем сонный пригород Бостона. Когда деятельность фирмы распространилась на юг, Средний Запад и Западное

побережье, а потом и вышла за рубежи Штатов, местонахождение штаб-квартиры в Нью-Йорке обрело еще больший смысл. Их офис занимал целое здание на Парк-авеню, а склады находились не только в стране, но и в Азии, Южной Америке и Европе. Их магазины работали по всему миру уже более тридцати лет. Оливия ценила старые торговые точки и не закрывала их, а лишь добавляла бесчисленное количество новых. Теперь у них было почти сто магазинов по всему миру, и каждый приносил прибыль и развивался. Оливия за все прошедшие годы сделала мало ошибок, а если и делала, то быстро исправляла.

– Думаю, что Филипп поднял важные вопросы, – ответил Питер, входя с ней в лифт. Она нажала кнопку этажа, на котором находился ее кабинет, а также кабинеты Филиппа и Джона. – Мы ведь внимательно следим за потенциальными проблемами. Это всё, что на данный момент можно предпринять, – заверил ее Питер.

– Не хочу заключать договоры с фабриками, деятельность которых может вызывать вопросы, – повторила она то, что заявила на совещании. Таковы были ее принципы. У Оливии было сильно развито чувство социальной ответственности. Она поступала строго в соответствии с требованиями морали, при том что имела выдающиеся способности к бизнесу. Она следовала нормам этики, которые совпадали с побуждениями ее доброго сердца.

– Я считаю, у нас нет поводов для беспокойства. Мы контролируем ситуацию, – с уверенностью заявил Питер.

– То есть ты спокоен? – без обиняков спросила она, пронзая его взглядом. Ничто не ускользало от внимания Оливии – это было одно из многих ее свойств, которые его восхищали. И она никогда не поступалась своими этическими принципами ради финансовой выгоды компании.

– Да, я спокоен, – честно ответил Питер.

– Хорошо. Ты мой барометр, Питер, – произнесла Оливия с легкой улыбкой. – Когда ты беспокоишься по поводу наших поставщиков, я тоже начинаю нервничать.

Получить такой комплимент от Оливии – дорогого стоит.

– Я сообщу тебе, если что-то изменится. Не сомневаюсь, что наши источники предоставляют достоверную информацию. Как у тебя со временем? Может, перекусим вместе, а потом вернемся к нашим делам?

Оливия знала, что Питер работал так же напряженно, как она, и у него было столь же мало свободного времени. Им нравилось беседовать о бизнесе и делиться новостями. Питеру исполнилось шестьдесят три года, он был женат, имел взрослых сына и дочь и построил блестящую карьеру. Они плечом к плечу провели много победных сражений за «Фабрику».

– Не могу, – с сожалением сказала она. – В половине второго у меня интервью для «Нью-Йорк таймс», и гора дел до того.

Оливия со страхом думала о дне, когда Питер уйдет на пенсию. Она полагалась на его советы и трезвый анализ ситуаций, но прежде всего ценила его дружбу. Она доверяла ему, как никому другому. К счастью, он был бодр, здоров и пока не планировал уходить в отставку.

– Я бы сказал, что ты слишком напряженно работаешь, но это бесполезно, – произнес он с печальной улыбкой, и она рассмеялась. Лифт остановился.

– Себе это скажи, – ответила Оливия, помахав на прощание, и вышла из лифта.

– Когда у тебя отпуск? – крикнул он ей вдогонку, пока двери еще не закрылись.

Она обернулась:

– Месяца через полтора, в июле.

Питер знал, что Оливия каждый год на свой день рождения отправлялась с детьми в путешествие. Каждый раз она выбирала для этого новое, необычное и интересное место. Начало этой традиции она положила после смерти мужа и знала, что Джо одобрил бы ее. Таким образом она старалась восполнить детям потерю отца и то время, которое им не могла уделять, когда они были маленькими. Она понимала, что упущенное наверстать невозможно,

но каждый год вкладывала много фантазии и усилий в организацию отдыха. Эти поездки были для нее святы.

Помахав Питеру, она поспешила в свой кабинет. Была почти половина первого, и до прихода корреспондента «Нью-Йорк таймс» оставался час. Оливия попросила помощницу принести ей в кабинет салат. Она не хотела терять ни минуты времени и часто обходилась такими перекусами на рабочем месте или вообще пропускала ленч, что помогало ей сохранять стройную, девичью фигуру – предмет зависти и восхищения других женщин. По этой же причине она выглядела моложе своего возраста, на лице, как ни удивительно, отсутствовали морщины. Она никогда не думала о своей внешности.

Питер своим вопросом напомнил ей о важном деле, и Оливия по пути в кабинет задержалась поговорить с помощницей, Маргарет.

– Ты отправила сообщение насчет поездки?

– В десять утра. А ваш ленч ждет на письменном столе. Там же распечатки информации и список вызовов.

Маргарет тоже собиралась перекусить на рабочем месте. Она знала, как бывает занята Оливия в дни заседаний совета директоров и как порой работает до позднего вечера, стараясь наверстать упущенное. Маргарет была к этому готова. Она никогда не выражала недовольства переработками и соответственно планировала свое личное время. На первом месте для нее всегда стояла работа у Оливии. Оливия вдохновляла сотрудников трудиться так же напряженно, как она. Они заряжались ее энергией.

Оливия поблагодарила секретаря и прошла в свой большой, элегантно оформленный кабинет. Это была светлая, полная воздуха, выдержанная в бежевых тонах комната. На стенах висели современные картины, некоторые – кисти ее сына, а также бежевый шелковый коврик ручной работы, привезенный ею из Италии. Работать здесь было приятно. В одном из углов кабинета находились диван и несколько кресел, там она планировала дать часовое интервью для раздела бизнеса газеты «Нью-Йорк таймс». Интервью должен был брать молодой корреспондент, которого она прежде не встречала. Маргарет уже принесла ей листок с рекомендациями и его послужным списком. Похоже, Оливии можно было его не опасаться, хотя он принадлежал к новому поколению журналистов. Она уважала молодость и всегда ценила свежие взгляды и идеи.

По этой же причине она обожала разговаривать со своими внуками и брать их с собой в летние поездки. Каждый год и она сама, и вся семья с нетерпением ждали время отпуска. Она надеялась, что и в этот раз всем понравится путешествие, которое она запланировала. У него были шансы стать одним из лучших, совершенных семьей Грейсон. Оливия считала, что она просто приглашает, а дети и внуки воспринимали эти поездки как обязательное мероприятие. Они знали, что Оливия ждет их, и не могли отказаться от приглашения.

Оливия ответила на десятки звонков, отправила несколько электронных писем – и час промелькнул незаметно. У нее даже не нашлось времени съесть салат, а Маргарет по внутренней связи уже сообщила, что прибыл корреспондент «Нью-Йорк таймс». Оливия попросила проводить его в кабинет, вышла из-за письменного стола, чтобы поздороваться, и предложила располагаться с комфортом.

Молодому человеку, внимательно смотревшему на нее, было лет двадцать пять. Он был в джинсах, кроссовках и футболке. С длинными и всклокоченными волосами, казалось, он несколько дней не брился – обычный стиль для людей его возраста. Он явно не пытался приодеться по случаю интервью, но Оливия ничего против этого не имела. Она привыкла общаться с увлеченными молодыми корреспондентами. Большинство из них при виде Оливии испытывали благоговение или смущение, однако об этом госте нельзя было такого сказать. Он сразу принялся сыпать вопросами. Однако Оливию не обескуражили его внешний вид и напористость, она отвечала четко, прямо, доброжелательно.

Почти час все шло гладко. Вопросы были прямолинейными и порой непростыми, но она отвечала с готовностью, ей это нравилось. А потом он неожиданно затронул тему, обсуждавшуюся на последнем совете директоров. Журналист был хорошо подготовлен и осведомлен и явно надеялся застать Оливию врасплох, затронуть ее «ахиллесову пяту». Но выражение ее лица оставалось спокойным, а ответы были взвешенными.

– Вас беспокоит возможное нарушение законодательства о запрете использования детского труда вашими поставщиками в Азии?

– У нас нет доказательств, что такие факты имеют место, – спокойно ответила Оливия, – мы тщательно изучали этот вопрос. Эта тема волнует меня всегда и во всех направлениях нашего бизнеса.

– По-вашему, не логично предположить, что в том регионе, при тех деньгах, какие вы им платите за продукцию, таких нарушений не может не быть?

– Я не могу ничего предполагать, – вновь спокойно сказала Оливия. – Мы никогда не отмечаем вероятности подобного, но нам не поступали данные о нарушениях ни от одного из наших источников.

– А если в какой-то момент они поступят, что вы будете делать?

– Будем реагировать соответствующим образом и принимать меры. Мы не одобряем ни нарушений прав человека, – заверила она, – ни нарушений законодательства о запрете использования детского труда. У меня самой четверо детей и трое внуков. Меня очень волнует положение детей.

– Настолько, чтобы решиться повысить цены, если придется поменять поставщиков и закупать изделия по более высоким ценам в Европе?

– Безусловно, – без колебания ответила Оливия. – «Фабрика» не одобряет любые формы нарушений в отношении как детей, так и взрослых.

Затем он сменил тему, удовлетворившись на некоторое время, но Оливия подумала, что гость явно относится к ней с подозрением и очень агрессивен. Он скептически воспринимал ее слова, но не имел никаких зацепок. Да и не мог иметь. «Фабрика» вела чистый и честный бизнес, чем очень гордилась.

Она уделила молодому корреспонденту почти полтора часа, а потом пришла помощница и выручила ее, напомнив об очередной назначенной встрече, которой на самом деле не было. Полтора часов на интервью и так было более чем достаточно. Если бы Оливия позволила, гость задержался бы до конца дня. Но временем Оливия дорожила, надо было работать.

Они пожали друг другу руки, и журналист неторопливо, с гордым видом покинул ее кабинет. Оливия понимала, что из этого интервью следует извлечь пользу для себя, и, только дверь за гостем закрылась, позвонила Питеру Уильямсу, чтобы рассказать о визите.

– Он спрашивал о соблюдении на предприятиях в Азии закона о запрете использования детского труда, – сказала Оливия обеспокоенно, хотя и была довольна, что они следят за этой проблемой и обсуждали ее на заседании совета директоров.

– У нас нет информации о его нарушениях, – напомнил ей Питер, – и мы крайне внимательно за этим следим, – заверил он.

– Значит, это тебя не беспокоит? – спросила она, снова сверяясь со своим барометром. Он был ее лучшим советчиком. Она полностью доверяла его суждениям.

– Нисколько, – непринужденно ответил Питер. – Мы чисты, Оливия, как бы журналист ни старался тебя напугать. Это провокация. Не поддавайся. Мы тщательнейшим образом следим за ситуацией.

– Посмотрим, во что это выльется. Я надеюсь, материал будет добросовестный.

– Будет, будет, – сказал он спокойно. – А как же иначе?

Оливия рассмеялась его словам. Она считала, что пресса не всегда ведет честную игру и редко проявляет доброту, даже по отношению к ней.

– Всякое может быть, сам знаешь, – напомнила она. – Это просто везение, что пока всё складывается благоприятно. А если обстоятельства повернутся против нас, начнется головная боль.

– Если такое случится, будем принимать меры, – сказал Питер тем же невозмутимым тоном. И она знала, что примут. Он и раньше имел дело с трудными ситуациями: забастовками на их фабриках, угрозами судебных исков и всякого рода большими и малыми сложностями – что было частью его работы. – Просто сейчас забудь об этом. У нас всё под контролем. А у тебя через шесть недель отпуск.

– Не могу его дождаться, – призналась Оливия. Она напряженно работала последние несколько месяцев, да и он тоже. Каждый день она задерживалась допоздна, без конца ездила в командировки. В планах была еще поездка в Бразилию, а потом в Новую Зеландию.

– Ты заслужила отдых, – мягко проговорил Питер.

Временами он поражался, как Оливия всё успевает и как ей удается выдерживать постоянный стресс, связанный с ее работой. Она несла на своих плечах огромный груз ответственности, и несла его терпеливо, стойко и изящно. Он знал, каких жертв это требовало, но она почти никогда не жаловалась на судьбу. Казалось, стресс на нее не влияет, и она всегда контролирует ситуацию.

Спустя несколько минут Оливия вернулась к работе и забыла про интервью и разговор с Питером. Всё было хорошо. Беспокойство по поводу нарушения на их предприятиях было беспочвенным. Это всё, что она хотела знать. В случае каких-то изменений ситуации она была готова реагировать первой. Питер Уильямс это тоже знал. Оливия Грейсон та сила, с которой следовало считаться, она не давала себя в обиду и всегда была готова к адекватному ответу на любые угрозы. Эту женщину уважали.

Остаток дня она истово трудилась у себя в кабинете, как делала каждый день почти пятьдесят два необыкновенных года. Работа была для нее всем, она любила ее больше всего на свете. Залогом успешности ее бизнеса всегда был упорный труд. Оливия знала, что так всегда и будет.

Глава 2

Оливия четыре года помогала матери заведовать «Фабрикой», а когда ей исполнилось двадцать два, Мэрибел решила, что надо пригласить консультанта по финансам для помощи в бизнесе. Благодаря изменениям, которые внесла Оливия, фирма развивалась так быстро, что Мэрибел больше не справлялась с бухгалтерией. Она наняла еще двух бухгалтеров, но пришла к выводу, что этого недостаточно. Мэрибел обратилась к обслуживавшему их банку, и вскоре тот порекомендовал молодого бухгалтера из штата Вермонт. Джо Грейсон имел степень бакалавра в области бизнеса и экономики и квалификацию дипломированного бухгалтера-аудитора. Ему было двадцать семь лет, но он казался гораздо старше. Спокойный, солидный мужчина, он уже год работал в Бостоне в качестве бухгалтера для малого бизнеса. Директор банка познакомил его с Мэрибел, и вскоре Грейсон занялся проверкой бухгалтерских записей. Тщательно изучив их за неделю, он выдвинул ряд предложений, которые показались ей разумными. Она сразу наняла его, и хотя он по-прежнему выполнял работу для других фирм, но быстро вошел в число основных сотрудников «Фабрики» и часто бывал в офисе магазина. Он был приятным, покладистым молодым человеком, уравновешенным и надежным, хорошо разбирался в цифрах и имел практический склад ума. Оливия обсуждала с ним некоторые планы по развитию компании, а Джо давал дельные советы. Он никогда не говорил Мэрибел, что надо сделать то-то и то-то, а объяснял причину, почему надо поступить так, а не иначе, и она всё чаще стала с ним советоваться.

Чего Оливия не знала, болтая с бухгалтером во время его визитов, так это того, что он испытывал благоговейный трепет перед ней и ее передовыми идеями. Он понимал, что если ее немного и осторожно направлять, она может превратить «Фабрику» в крупную компанию. Джо находился под громадным впечатлением от разумности и выполнимости ее планов и объяснял, каким образом следует осуществить замыслы. Вскоре он стал ценным членом их команды, и Оливия прислушивалась к его словам. Он расширял ее кругозор, многому учил.

Мэрибел раньше дочери заметила, как к той относится новичок Джо Грейсон. Как-то раз, чтобы помочь делу, она пригласила его на ужин, и скоро он стал частым гостем в их доме: оставался допоздна в офисе, а потом вместе с женщинами ехал на скромное угощение. По причине природной застенчивости он только через полгода пригласил Оливию на свидание, чем поверг в шок. Она никогда не воспринимала его в качестве поклонника, а только как сослуживца, чьи советы и опыт в финансах ценила. К тому времени она обсуждала с ним почти все свои идеи и планы, которые его восхищали и изумляли.

Если Джо приглашал ее на ужин, они всегда говорили только о работе. И тем более странно было, когда в один из вечеров он вдруг сообщил, что влюблен в нее. Оливия вообще никогда не принимала в расчет такую возможность и с удивлением посмотрела на него, но возражений не выказала. Собственно, эта идея ей даже понравилась. Они прекрасно сработались; Оливия знала, что Джо так же болеет душой за «Фабрику», как и она, и разделяет многие ее взгляды. Он был мужчиной твердых моральных принципов, наделенным многими достоинствами, прежде всего добротой. В тот вечер, когда он признался ей в любви, он проводил ее домой и впервые поцеловал.

Период его ухаживаний не отличался безумной страстью, Джо не торопился с принятием решения, да она и не хотела бы этого. Оливия сама была благоразумной женщиной и ценила дружеские отношения, которые у них складывались. Она доверяла ему финансы, он верил в ее идеи, даже если они были совершенно необычайными. Он видел, что она создает модель, которая может послужить образцом для многих и многих магазинов. Всё, о чем Оливия говорила, представлялось ему разумным, даже если другие так не считали. Они прекрасно друг друга понимали, иногда даже без слов.

На День Святого Валентина, спустя три месяца после первого свидания, он подарил ей кольцо с маленьким бриллиантом и сделал предложение. У него не было ни родителей, ни близких родственников – он мечтал о семейной жизни с Оливией. Когда они сообщили Мэрибел о своих планах, та была очень рада. Джо Грейсон был отличной партией для ее дочери. На него можно было положиться, работая над новыми смелыми проектами. Мэрибел была в восторге. Чувства Оливии к нему поначалу не были ни восторженными, ни романтическими, они были цельными и прочными, как и его всё усиливавшаяся любовь к ней.

Через шесть месяцев с момента их первого свидания и после года знакомства состоялась скромная церемония бракосочетания. Джо оставил других своих клиентов и стал штатным сотрудником «Фабрики». Его рассмешило, что Оливия превратила их медовый месяц в поездку с целью закупки товара для магазина. На свои небольшие сбережения он повез Оливию в Европу. Они побывали в Англии, Франции и Италии, а последние два дня провели в Дании, знакомясь со скандинавским мебельным дизайном. Оливия нашла некоторые интересные товары, разместила несколько заказов. Но самой важной находкой в ее жизни были отношения с Джо, которые обеспечивали твердую почву под ногами. Джо получил тепло и привязанность, которых у него никогда не было, а Оливия – надежного мужчину, на которого могла положиться. Кроме Ансела Морриса, в ее жизни не было мужчин. И она понимала, что Джо ей идеально подходит.

Из свадебного путешествия Оливия вернулась в восторге от увиденного в Европе и полная планов по развитию магазина. Не меньший восторг она испытала, когда стали прибывать заказанные товары, многие она распаковывала сама. Вместе с Джо они по вечерам проводили инвентаризацию новых приобретений. Муж был неутомим в стремлении помогать ей, как только мог. Дела шли так хорошо, что Оливия крайне огорчилась, когда вдруг почувствовала недомогание. Она не понимала, что происходит. Вскоре ее самочувствие еще ухудшилось. Джо был серьезно обеспокоен.

Посоветовавшись с Мэрибел, он отвез Оливию в Бостон, к специалисту. Посещение врача еще больше расстроило Оливию: оказалось, что она забеременела во время свадебного путешествия, что совершенно не входило в ее планы. Джо мечтал иметь детей, но они согласились, что с этим надо подождать несколько лет – Оливия считала, что лет пять, – пока она не осуществит задуманное расширение «Фабрики», не поставит бизнес на ноги и не откроет, возможно, один или два новых магазина. Сейчас у нее не было времени на малыша, и она расплакалась, услышав эту новость. Она считала, что ребенок разрушит все ее планы. Джо понимал реакцию жены, но был в полном восторге. По его мнению, не могло быть ничего замечательнее, чем их с Оливией ребенок. Она была женщиной его мечты, и он обещал делать всё возможное, чтобы ей не было трудно. Мэрибел, со своей стороны, предложила отличную идею: она сказала, что готова уйти на пенсию и передать бизнес в их руки. Во всяком случае, молодые супруги были гораздо лучше осведомлены в делах, чем она, и ее вклад в дело в последние годы был невелик. Она им и теперь была нужна, но для ухода за ребенком.

Мэрибел предложила переехать к ним и заботиться о малыше. Оливию эта идея очень обрадовала. Она знала, что дитя будет в хороших руках, а они с Джо смогут целиком посвятить себя работе. Муж настаивал, что будет во всем помогать, чтобы и она могла работать. Это было идеальное решение, благодаря которому незапланированная беременность стала не столь огорчительной. Мэрибел же была в полном восторге. Забота о малыше представлялась ей гораздо интереснее работы в магазине. Она этим бизнесом занималась многие годы, и он просто перерос ее, благодаря Оливии и Джо.

Что касается Оливии, у нее не было времени сидеть дома. Изменения, которые она хотела внедрить, были принципиальными и не терпели отлагательств.

Она работала вплоть до последнего дня беременности. Они с Джо поздним вечером в офисе занимались бухгалтерией и учетом складских запасов, когда у нее отошли воды. На мгновение Оливия испугалась. Это началось. Это было реальностью. Джо подбодрил, успокоил ее, позвонил Мэрибел и врачу и отвез ее в больницу. Он не хотел оставлять ее одну, но ему не разрешили присутствовать при родах. Двенадцать часов он просидел в приемном покое, иногда к нему выходила Мэрибел сообщить, как идут дела. Она сказала, что первые роды всегда проходят долго, но Оливия держится молодцом. Он ужасно беспокоился и надеялся, что ей не придется сильно мучиться. Он очень любил жену и переживал из-за ее первых родов.

Для Оливии всё оказалось труднее, чем она представляла. Но она боялась бы больше, если бы заранее знала, насколько будет больно. Филипп весил чуть больше трех с половиной килограммов, и когда Джо наконец увидел жену после родов, она была измученной и бледной. В тот момент он любил ее сильнее, чем когда-либо, а их малыш был самым прелестным из всех. Они оба плакали, глядя на него, а Джо впервые взял сына на руки. Рождение сына казалось ему чудом, но ей – самым тяжелым испытанием. Однако уже на следующий день, немного придя в себя, она увидела, какой чудесный у нее малыш. Первые несколько дней Оливия кормила сына грудью, а потом его перевели на бутылочку, чтобы ночью кормить малыша могла Мэрибел. Джо не хотел, чтобы Оливия переутомлялась, считая, что она и так пережила достаточно тяжелое испытание. Когда спустя неделю он забирал Оливию и сына домой, то обращался с женой как с хрупкой стеклянной статуэткой. Оливия пыталась убедить мужа, что чувствует себя хорошо. Ей было двадцать три года, и оба, мама и малыш, были здоровыми и сильными.

Мэрибел не спускала внука с рук и буквально тряслась над Филиппом. А как только она его укладывала, сына подхватывал души в нем не чаявший отец. Когда Оливия вернулась в «Фабрику», у нее почти не осталось времени на общение с сыном. Пока Филиппу не исполнился месяц, она работала по полдня, но потом перешла на полный день. Джо считал, что Оливия спешит, и хотел, чтобы она полностью восстановила силы, но знал, как она стремилась в магазин, и не стал возражать. Он сократил свое рабочее время, стал возвращаться домой раньше под предлогом того, что нужно дать Мэрибел отдохнуть, но на самом деле, чтобы самому побыть с сыном.

Филипп рос жизнерадостным, спокойным ребенком. Папа и бабушка души в нем не чаяли и удовлетворяли любые его желания и прихоти. Когда Оливия вечером приходила домой, она их сменяла. Она всё никак не могла поверить, что у них с Джо есть ребенок. Ей казалось, что это не ее малыш, но к шести месяцам он стал радостно улыбаться при виде матери, а Мэрибел иногда привозила его в магазин в коляске – навестить родителей, безумно гордившихся сыном. Джо всем показывал Филиппа. Чувство отцовства было у него в крови, чего нельзя было сказать об Оливии, однако со временем она стала любящей матерью, хотя и не посвящала ребенку все свое время. Ее главным детищем по-прежнему оставался магазин. Она стремилась воплотить в жизнь все свои планы, и каждый день у нее появлялись все новые. Джо за ней едва поспевал. Он не мог сказать, кого любил больше: жену или сына. Во всяком случае, он был совершенно счастлив. Бабушка нянчила Филиппа, и такое положение дел устраивало всех. Мэрибел гораздо больше нравилось присматривать за внуком, чем работать в магазине. Ей было всего сорок восемь лет, но она с радостью ушла на пенсию, тем более по такой замечательной причине. А Джо оказался идеальным партнером для Оливии в реализации ее идей по реформированию магазина.

Он предложил отказаться от продажи простейшей мебели и инструментов и сосредоточиться на отобранных Оливией изделиях, которые хорошо продавались. Из отчетов о финансовом положении компании и о постоянно растущих доходах Джо видел, насколько Оливия хороший, даже гениальный менеджер. Он всё больше и больше просвещал ее в финансовых

вопросах. Она охотно училась и очень уважала его рассудительность, практичность, ценила его дельные советы. К тому же муж замечательно относился к ней и к сыну. Большого и желать было нельзя. То, что она вышла за Джо замуж, было лучшим из принятых ею решений.

Вскоре после рождения Филиппа Оливия решила открыть второй магазин, на Лонг-Айленде. Джо сперва относился к этому с опаской, думал, что им придется лезть из кожи вон, но потом, как всегда, признал правоту жены. Они готовились к открытию полгода, а потом появился и третий магазин, в Нью-Джерси, – ровно в первую годовщину рождения Филиппа. В тот вечер Оливия сказала Джо, что хочет открыть продажи в Чикаго, и он понимал, что ничто не может ее остановить. Она была в ударе, но Джо знал, что она права и надо пользоваться благоприятной возможностью. Каждый раз Оливия находила старую фабрику, вроде той под Бостоном, в которой размещался их головной магазин.

А когда работы по открытию филиала в Чикаго шли уже полным ходом и было найдено подходящее помещение, Оливия опять забеременела. Она уже не огорчалась, как прежде, потому что Мэрибел сказала, что с радостью будет нянчить обоих внуков. У нее это отлично получалось с Филиппом, да и Джо много помогал с малышом. Такой вариант оказался очень удачным, потому что Оливия разрывалась между тремя магазинами. Она инстинктивно чувствовала, что нужно для создания интерьера, и умела находить поставщиков с самыми низкими ценами, готовых соблюдать требования к дизайну. Такое сотрудничество было выгодно обеим сторонам.

Когда Грейсоны открывали магазин в Чикаго, она была на девятом месяце. Джо боялся, что жена родит на церемонии открытия или в поезде, но Оливия настояла, что должна там присутствовать. Это был самый большой из их магазинов, уже в первый день работы он вызвал ажиотаж. Бизнес пошел отлично, и Джо с Оливией вернулись в Бостон. Джо настоял, чтобы в поезде она лежала не шевелясь. Он не хотел, чтобы роды начались в вагоне, и считал безумием, что она вообще поехала на открытие. Но Оливия была молодая, сильная и увлеченная их бизнесом. Супруги открыли за два года три новых магазина и зарабатывали больше денег, чем Джо когда-либо мог себе представить. Оливия твердой рукой вела дела, и он верил в ее талант.

Роды начались вечером в день их возвращения. Джо вовремя привез жену в больницу. Новорожденная Лиз оказалась меньше, чем ее брат в свое время. Появилась она на свет спустя два часа после поступления Оливии в родильное отделение, и эти роды прошли для мамочки уже легче. Войдя в палату, Джо увидел сияющую жену с малышкой на руках. Назвали ее Элизабет в честь покойной матери Джо. А через две недели Оливия вернулась на работу на полный день. Мэрибел с удовольствием нянчила внучку и была рада новому ребенку в доме. Это было счастливое время в жизни семьи. Казалось, благодаря материнству креативные способности Оливии усилились. Джо оставалось только изумляться тому, что она уже сделала и планировала еще сделать.

Она стала чаще ездить в командировки: закупала товар для всех четырех магазинов, искала новые дизайнерские решения. Джо тосковал по жене, когда она уезжала, но результаты ее деятельности неизменно положительно отражались на балансе компании. У Оливии никогда не получалось проводить с семьей столько времени, сколько хотелось, но она убеждала мужа и себя, что скоро нагрузка уменьшится и свободного времени у нее станет больше, но так ничего и не менялось. Хотя она и старалась как можно больше бывать дома с мужем и детьми, ее занятость только возрастала. Она зарабатывала миллионы, которые Джо успешно инвестировал. Благодаря Оливии будущее семьи было обеспечено, что было важно для супругов. Она делала состояние, которое должно было приносить им пользу многие годы. «Фабрика» стала легендой, а с ней и Оливия Грейсон. И имя ее мужа тоже стало известно.